

Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии

Валентина Григорьевна ДОБРОХЛЕБ

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: vdobrokhleb@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4864-823

Оксана Викторовна КУЧМАЕВА

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: kuchmaeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0386-857X

Алексей Дмитриевич БРАГИН

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: alexbragin562@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4065-3546

Мехди АФЗАЛИ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: mehdi afzali1991@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9577-5639

Для цитирования: Доброхлеб В.Г., Кучмаева О.В., Брагин А.Д., Афзали М. (2022). Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11

For citation: Dobrokhleb V.G., Kuchmaeva O.V., Bragin A.D., Afzali M. (2022). Demographic dividends: Formation and use in the CIS and the Baltic countries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем современного мира — демографическому старению населения и его влиянию на демографическую безопасность на пространстве СНГ. Процесс изменения возрастной структуры населения носит глобальный характер с увеличивающейся динамикой. При этом демографическое старение имеет существенные региональные различия. Цель исследования связана с выявлением общих тенденций, региональных различий старения населения стран постсоветского пространства, формирования и использования демографических дивидендов. Авторами предлагается применять при анализе второго демографического дивиденда дефиницию «ресурсный потенциал старшего поколения», который в значительной мере определяет возможности стареющего населения. В исследовании широко использовались такие методы, как логический анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция, системный подход к анализу демографических явлений, а также расчеты демографических коэффициентов, используемых при оценке возрастной структуры, ее динамики и формирования демографических дивидендов. Информационной базой исследования послужили данные текущего учета демографических событий, представленные Статистическим комитетом СНГ, материалы Евростата, ООН, отечественные и зарубежные научные публикации, а также материалы авторских исследований по тематике статьи. Основные результаты работы подтвердили вывод о том, что страны постсоветского пространства имеют существенные различия в возрастной структуре населения и интенсивности процесса демографического старения. Определено, что общей тенденцией в большинстве из них стало ускорение процесса старения населения. Это актуализирует проблемы, связанные с необходимостью формирования и эффективного использования второго демографического дивиденда, что позволит обеспечить экономическое благополучие стран.

Ключевые слова: демографическое старение, первый демографический дивиденд, второй демографический дивиденд, страны постсоветского пространства.

Введение. Постановка проблемы

Страны в процессе своего развития проходят различные этапы демографического перехода. В ряде случаев (пока их известно два) открываются «окна демографических возможностей». Государства могут использовать демографический фактор (численность, структуру и качество населения) для экономического развития. При этом необходимо учитывать тенденции демографической динамики, что требует значительных организационных и финансовых вложений при реализации экономической и социальной политики с учетом возникающих демографических перемен.

Цель исследования связана с выявлением общих тенденций, региональных различий старения населения стран постсоветского пространства, формирования и использования демографических дивидендов.

В работе предпринята попытка определить особенности взаимосвязи трансформации возрастной структуры населения постсоветских стран, включая тенденции демографического старения и формирования демографических дивидендов, с их социально-экономи-

ческим развитием. Результаты анализа могут быть значимыми для выстраивания социально-экономической политики государствами, находящимися на разных стадиях реализации демографического дивиденда.

Понятие демографической безопасности вошло в обиход экономических и политических дисциплин. В подавляющем большинстве стран мира оценка ситуации позволяет говорить об усилении влияния демографической компоненты на социально-экономическое развитие (Bloom et al., 2003; Chand, 2017; Misra, 2017; Kashif, Shahid, 2019). Вследствие этого правительства различных государств объективно вынуждены решать широкий спектр демографических проблем. Чаще всего в контексте демографической безопасности рассматривают защищенность социально-экономического развития страны от демографических угроз, обеспечивающую потенциал воспроизводства населения. Исследования последних лет доказывают, что демографические факторы играют существенную роль в наблюдаемом изменении доли трудовых доходов, выявляется связь

между изменениями доли населения трудоспособного возраста и экономическим ростом на душу населения и уровнем бедности (Bloom et al., 2003; Масунович, 2012). Особое внимание привлекают механизмы, посредством которых демографические изменения могут повлиять на экономические результаты деятельности, тем самым обеспечив благополучие населения страны. Установлено, что увеличение доли населения трудоспособного возраста и сокращение доли детей-иждивенцев связаны с ростом валового внутреннего продукта на душу населения, что аналогичным образом положительно сказывается на сокращении бедности (Cruz, Ahmed, 2018).

Влияние возрастной структуры на социально-экономическое развитие привлекает внимание исследователей из разных стран. Например, демографический дивиденд стал одним из самых значительных факторов, которые способствовали экономическому росту в странах Восточной Азии (Bloom et al., 1999; Bloom, Canning, 2001). Наиболее значительный демографический дивиденд был получен Южной Кореей в 1965–2000 гг. (Gribble, 2012).

Анализ, проведенный в разрезе стран БРИКС и Европейского союза на основе модели с фиксированным эффектом, показал, что между темпами роста ВВП и демографическим дивидендом существует положительная взаимосвязь (Misra, 2017). Однако ситуация весьма дифференцирована даже в рамках отдельных регионов. Так, результаты исследования, осуществленного на микроданных Бразилии, свидетельствуют, что в этой стране необходимо уделять внимание созданию инструментов для получения второго демографического дивиденда (Baerlocher et al., 2019). Рассматривается возможность применения второго демографического дивиденда в Испании. Используя данные межпоколенческих трансфертных счетов, исследователи делают вывод о том, что после 2040 года, с учетом тенденций старения населения, использовать второй демографический дивиденд будет весьма проблематично (Abío et al., 2017).

В ряде государств азиатского континента в последние годы весьма значительно увеличивается численность молодого населения, что может способствовать экономическому росту. Так, в Узбекистане за 26 лет (1991–2017 гг.) доля

трудоспособного населения выросла почти на 17,5%, и в настоящее время этот показатель составляет почти 60,5% (Mirzakarimova, Khajiyev, 2020).

Данные по странам Южной Азии свидетельствуют, что демографический потенциал без грамотной макроэкономической и демографической политики не станет демографическим дивидендом. При использовании эконометрических моделей выявлено, что увеличение доли молодых иждивенцев без принятия ответственных мер в сфере образования и здравоохранения снижает экономический рост в странах Южной Азии в долгосрочной перспективе (Kashif, Shahid, 2019). Странам региона необходимо задуматься о возможности получения второго демографического дивиденда, поскольку процесс старения развивается. Старение населения приводит к многочисленным проблемам в регионе, включая рост расходов на пенсии и здравоохранение, повышение коэффициента иждивенцев и изменение динамики семьи (Chand, 2017).

Значительное внимание в контексте возможностей демографического дивиденда в настоящее время уделяется африканским государствам, где речь идет о возможном получении выгоды в экономическом развитии от первого демографического дивиденда (Cardona et al., 2020).

Взаимосвязь демографических и экономических процессов носит сложный и неоднозначный характер. Демографические дивиденды от снижения темпов прироста населения повышают благосостояние в краткосрочной перспективе и снижают его в долгосрочной перспективе (Ziesemer, Gässler, 2021). Выявлением этих связей обусловлена высокая актуальность исследования демографической динамики СНГ и стран Балтии, т. к. в этих регионах наблюдаются существенные различия структуры воспроизводства населения.

Если ранее работы демонстрировали значительный вклад первого демографического дивиденда в экономический рост Китая (Wang, Mason, 2005), то в настоящее время исследования возрастной структуры Китая направлены на поиск путей использования преимуществ второго демографического дивиденда – увеличения занятости и повышения уровня участия

пожилых людей в рабочей силе (Fang, 2020). Доказывается повышение роли образования и инвестиций в образование в формировании человеческого капитала (Baioliya, Miller, 2021) в Китае в условиях изменения направленности демографической политики. Политика в области образования, по мнению исследователей, позволит смягчить последствия, связанные с возможно более высокой в перспективе рождаемостью, без повышения которой, в свою очередь, сложно решить проблемы пенсионной системы, вызванные старением населения.

Увеличение предложения рабочей силы, обусловленное изменением демографической структуры, не является чисто демографическим подарком. Величина получаемой выгоды зависит от способности экономики продуктивно использовать дополнительных работников. Чтобы демографический дивиденд мог проявить себя, молодое население должно иметь доступ к качественному образованию, адекватному питанию и здоровью.

Исследователи выделяют ряд условий, необходимых для использования преимуществ демографического дивиденда, важнейшим из которых, по мнению З.Г. Казбековой, поддерживающей точку зрения Д. Блума и Д. Каннига (Bloom, Canning, 2004), является способность экономики создавать рабочие места для все возрастающего населения в трудоспособном возрасте, что зависит от качества государственных институтов, макроэкономической политики государства, политики в области образования. При отсутствии правильной макроэкономической политики государства, направленной на реализацию демографического дивиденда, рост численности населения в трудоспособном возрасте может привести к росту безработицы, политической нестабильности, преступности и снижению социального капитала, что более остро ставит проблему демографической безопасности (Kazbekova, 2018).

В условиях демографических перемен важным становятся два направления исследований. Первое направление позволяет определить общие тенденции демографической динамики в том или ином регионе; второе связано с выявлением специфики демографических трендов. С одной стороны, возрастные структуры населения стран, ставших независимыми государствами в 1991 году, испытали влияние общих

социально-политических шоков, в частности Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), мер демографической политики (например, направленных на увеличение рождаемости в 1981–1983 гг.). С другой – наблюдаются весьма значительные различия по роли культурологических факторов в формировании моделей демографического поведения, национальным традициям, экономическому благополучию. Все это определяет актуальность рассмотрения особенностей трансформации возрастной структуры населения в странах постсоветского пространства, выявления типичных и специфических характеристик, этапов формирования демографических дивидендов. В статье представлены авторские дефиниции второго демографического дивиденда, а также некоторые результаты исследования динамики процесса старения населения и формирования демографических дивидендов стран СНГ и Балтии, поставлены проблемы демографической безопасности, связанные с этими процессами. Проведенное исследование акцентирует внимание на учете демографических параметров развития общества как условия экономического благополучия.

Методология исследования. Источники и методы

Методология исследования основывается на системном подходе к анализу демографических явлений, при этом широко применяются как общенаучные методы, в том числе логический анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция, так и специфические инструменты исследования демографических событий и процессов, среди которых расчеты демографических коэффициентов. Анализ построен на данных текущего учета демографических событий, опубликованных на сайте Статкомитета СНГ¹, в частности данных сборника «Население и социальные индикаторы стран СНГ и отдельных стран мира 2017–2020». Использована статистика ЕЭК ООН, Department of Economic and Social Affairs Population Dynamics UN за период с 1950 года, в том числе прогнозные оценки до 2050 года. Для достижения поставленной цели были проанализированы научные публикации по данной тематике, также учтены результаты авторских исследований.

¹ Статистический комитет СНГ. URL: <http://www.cisstat.com/> (дата обращения 16.01.2022).

Авторами проведены расчеты демографических коэффициентов, применяющихся при оценке возрастной структуры, ее динамики и формирования демографических дивидендов, в том числе коэффициент демографической поддержки, рассматриваемый как соотношение численности населения трудоспособного возраста (15–64 лет) на одного пожилого человека (в возрасте 65 лет и старше). Для анализа изменений в возрастной структуре были использованы коэффициенты нагрузки (иждивенцев), которые показывают соотношение численности населения в возрасте 0–14 лет и старше 65 лет и численности населения в возрасте 15–64 лет.

Применение данных подходов позволило выявить общие тенденции и различия демографической динамики стран СНГ и Балтии за тридцать лет, прошедшие после распада СССР, показать, как формируются демографические дивиденды в этих странах, а также сформулировать проблемы демографической безопасности, связанные с данными демографическими процессами, что обуславливает значимость учета в стратегии экономического развития характеристик демографической ситуации.

Общие тенденции и различия в динамике возрастной структуры населения стран на постсоветском пространстве

Исследователи утверждают, что рост численности и доли пожилых и старых людей в структуре населения («демографическое старение») является вызовом для современного общества как на глобальном, так и национальном уровне (Сидоренко и др., 2013; Alper et al., 2016). Демографическое старение – это процесс, связанный с изменением возрастной структуры населения, а именно ростом численности и доли старых людей в его составе. Он затрагивает самые разные аспекты жизни человека и семьи, а также общества в целом. Эти вызовы в разной степени касаются и стран бывшего СССР, находящихся на разных стадиях демографического перехода. Разнонаправленные и дифференцированные изменения демографических процессов в странах бывшего СССР привели к существенным сдвигам в возрастной структуре населения.

Страны бывшего СССР по уровню демографического старения можно разделить на три группы.

В 2020 году демографически наиболее «старыми» странами на постсоветском пространстве, в которых доля лиц в возрасте 65+ максимальная, были Латвия (20,7%), Литва (20,6%), Эстония (20,4%), Украина (17,0%), Беларусь (15,6%), Россия (15,5%), Грузия (15,3%). Страны с «молодым» населением – это большинство стран Центральной Азии и Азербайджанская Республика. В Узбекистане и Туркменистане доля населения в возрасте 65+ составляет менее 5% (табл. 1).

Для большинства стран за рассмотренные сто лет характерен рост доли населения в старших возрастах. Вместе с тем обращает на себя внимание процесс снижения относительной численности людей в старших возрастах в Азербайджане, Узбекистане, Туркменистане, Киргизии и Таджикистане в период 1990-х гг., что связано с ростом рождаемости на этих территориях.

За постсоветский период наиболее интенсивно процесс демографического старения шел в странах Балтии, где доля людей в возрасте 65 лет и старше выросла почти в два раза.

Процесс старения сопровождается значительной диспропорцией половой структуры населения в старших возрастах (табл. 2). В силу существенного превышения продолжительности жизни женщин над продолжительностью жизни мужчин наблюдается значительный перевес численности женщин, особенно в возрастах старше 75 лет. В этом плане выделяются Беларусь, Россия, Казахстан, Киргизия.

Обратим внимание на динамику демографического старения в относительно новом союзе – ЕАЭС, который сформировался на постсоветском пространстве начиная с 2014 года: в объединение вошли Республика Казахстан, Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Армения, Киргизская Республика. Его целью является свобода движения капитала, товаров и услуг, а также рабочей силы. Входящие в ЕАЭС государства имеют существенные демографические различия. Например, с одной стороны, население

Таблица 1. Доля населения в возрасте 65 лет и старше в республиках СССР и странах бывшего СССР в 1950–2050 гг., % (страны представлены в порядке убывания показателя для 2050 г.)

Страна	1950 г.	1970 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2030 г.	2050 г.
Литва	9,4	10,2	10,9	13,9	17,3	20,6	26,4	29,0
Эстония	10,6	11,8	11,7	15,0	17,5	20,4	23,6	28,7
Латвия	5,6	12,0	11,9	15,0	18,2	20,7	25,0	27,8
Украина	7,6	9,3	12,0	13,8	15,7	17,0	20,0	25,5
Беларусь	8,6	9,0	10,7	13,5	14,0	15,6	20,5	24,0
Молдова	7,7	6,3	8,3	9,4	10,2	12,5	17,0	23,0
Россия	4,8	7,7	10,3	12,4	13,1	15,5	19,6	22,9
Грузия	10,1	7,7	9,3	12,9	14,2	15,3	18,5	21,8
Армения	8,3	5,6	5,6	10,0	11,0	11,8	16,9	21,4
Азербайджан	7,1	5,2	4,6	5,9	5,9	6,7	11,8	17,5
Казахстан	6,5	5,4	5,9	6,8	6,8	7,9	11,1	14,2
Узбекистан	5,9	5,9	4,1	4,6	4,5	4,8	7,6	12,2
Туркменистан	5,9	4,7	3,8	4,3	4,1	4,8	7,1	10,6
Киргизия	8,2	6,2	5,0	5,5	4,5	4,7	7,2	10,1
Таджикистан	4,4	5,1	3,8	3,6	3,3	3,2	5,1	7,5

Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2019. *World Population Prospects 2019*, Volume II: Demographic Profiles (дата обращения 15.01.2022).

Таблица 2. Соотношение численности мужчин и женщин в пожилых возрастах в странах бывшего СССР в 2020 году, число мужчин на 1000 женщин

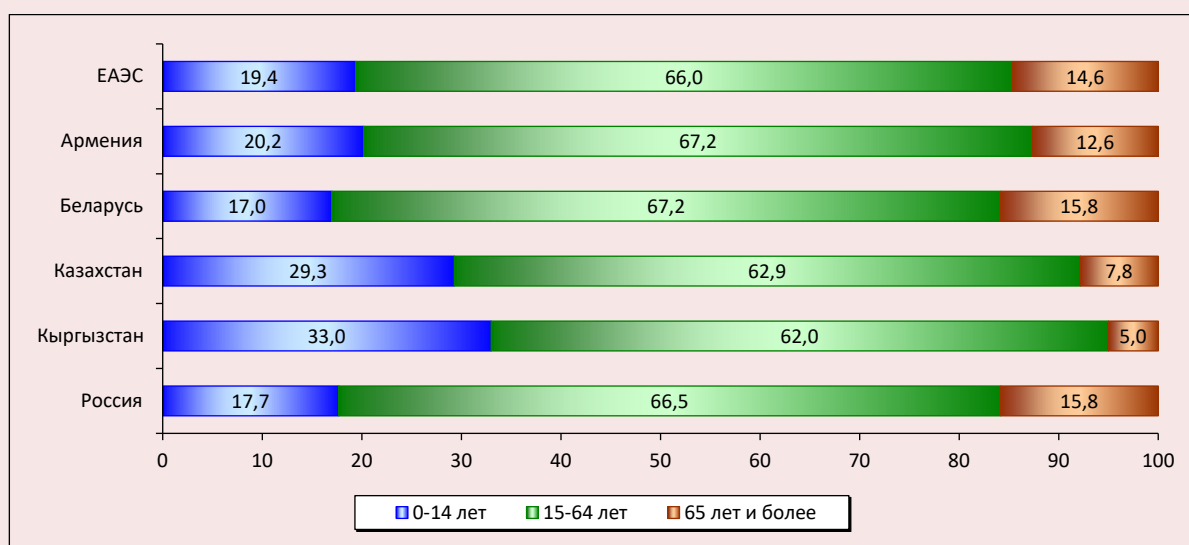
Страна	Возраст, лет								
	60–64	65–69	70–74	75–79	80–84	85–89	90–94	95–99	100+
Литва	769	663	553	479	506	326	246	193	187
Эстония	819	699	629	502	396	329	269	192	140
Латвия	775	659	560	456	412	313	237	170	165
Украина	720	620	558	450	369	337	240	169	152
Беларусь	749	640	582	414	328	257	203	107	69
Молдова	767	688	641	512	411	382	247	159	132
Россия	722	630	554	422	359	298	223	121	91
Грузия	785	708	633	549	465	436	317	198	162
Армения	746	711	669	603	550	559	488	321	227
Азербайджан	867	821	739	673	578	524	399	230	149
Казахстан	772	653	590	467	421	373	263	112	82
Узбекистан	874	852	764	755	661	536	458	286	244
Туркменистан	786	726	733	710	592	502	408	261	220
Киргизия	810	744	611	504	376	340	200	109	57
Таджикистан	922	877	862	919	759	698	719	463	308

Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2019. *World Population Prospects 2019*, Volume II: Demographic Profiles (дата обращения 15.01.2022).

республик Казахстан и Кыргызстан почти на треть состоит из лиц возрастной группы младше 15 лет, при этом удельный вес населения старше 65 лет составляет 5–8% (рис. 1). С другой – в России и Республике Беларусь доля молодого поколения 17–18%, а пожилого – около

16%. Данные обстоятельства обуславливают заинтересованность интегрирующих стран в различных направлениях экономической и социальной политики, в государствах по-разному складываются вызовы демографической безопасности.

Рис. 1. Удельный вес возрастных групп населения на 1 января 2021 года, % к общей численности населения

Источник: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021.

Процесс демографического старения затрагивает все страны региона. Можно выделить три основных особенности этого процесса: разный уровень демографической старости в странах бывшего СССР; различная скорость изменений возрастной структуры населения; демографическая асимметрия полов по странам региона (разница между численностью мужчин и женщин в старших возрастных когортах).

При этом процесс старения населения на постсоветском пространстве в настоящее время не так драматичен, как, например, в Италии или Японии, где в 2019 году коэффициент демографической нагрузки пожилыми составлял 42,5 и 55,9% соответственно.

Демографические дивиденды, почему открываются «демографические окна»

В ходе демографического развития в современном мире в странах складывается определенная возрастная структура населения. Исследователи показали, что в определенные периоды доля и численность населения трудоспособного возраста в сравнении с когортами младше и старше трудоспособного возраста растет (Bloom, Canning, 2001; Bloom, Canning, 2004; Wang et al., 2005; Cruz, Ahmed, 2018). Иными словами, численность трудоспо-

собных больше, чем численность иждивенцев, коэффициент демографической нагрузки снижается. Открывается «окно благоприятных возможностей» или «демографическое окно» для экономического роста, которое непосредственно связано с изменением возрастной структуры населения.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что «демографическое окно» — это шанс, возможность получить экономическую выгоду. Полученная экономическая выгода в период данной демографической структуры рассматривается как «демографический дивиденд»². Получить демографический дивиденд можно за счет двух основных факторов: во-первых, роста численности и качества населения трудоспособных возрастов, во-вторых, при формировании условий на рынке труда для занятости. Этот дивиденд называется первым демографическим дивидендом. На примере разных регионов показано, что страны могут упустить свой шанс, т. к. вероятность получения демографического дивиденда появляется в течение ограниченного

² Demographic dividend. United Nations Population Fund. URL: <https://www.unfpa.org/demographic-dividend#readmore-expand> (дата обращения 16.01.2022).

периода времени. По данным UNFPA, в конце двадцатого века в Азии был получен значительный демографический дивиденд³. Валовой внутренний продукт в Азии увеличился в семь раз, возник экономический бум, описанный как «азиатское экономическое чудо», который во многом был обусловлен реализацией демографического потенциала из-за снижения демографической нагрузки. В Латинской Америке в это время рост оказался только двукратным, что связано с неравным доступом к инвестициям в образование и здравоохранение, включая репродуктивное здоровье и права женщин и девочек (Барсуков, 2019).

Ранее считалось, что возможность получить демографический дивиденд закрывается по мере старения работающего поколения. Демографический дивиденд зачастую связывают с простой моделью жизненного цикла, в рамках которой люди в трудоспособном возрасте производят больше, чем потребляют, а разница делится между иждивенцами — детьми и пенсионерами. Исследователи показали, что возможна более сложная и, вероятно, более близкая к жизни модель, в рамках которой силы, приводящие к превращению демографического дивиденда в его противоположность, способны вызвать к жизни другой (второй) демографический дивиденд⁴ (Bloom et al., 2003; Bloom et al., 2006).

При таком подходе возникновение второго демографического дивиденда связано с влиянием динамики демографической структуры на накопление капитала. Например, в ответ на рост продолжительности жизни люди среднего возраста могут фундаментально изменить свое финансовое поведение, откладывая больше ресурсов на пенсионный период и наращивая свои материальные ресурсы и капитал, возмещая тем самым снижение общего коэффициента накопления, вызванного увеличением доли пожилых, обладающих низким уровнем накопления (Bloom et al., 2006). Р. Ли и Э. Мэйсон отмечали различия между первым и вторым демографическими дивидендами. По их мнению,

первый дивиденд приносит временную выгоду, а второй преобразует эту выгоду в большой объем активов и устойчивое развитие. Всё это не появляется автоматически, а обусловлено реализацией эффективной политики. Период дивидендов — это больше возможность, чем гарантия повышения жизненного уровня (Ли, Мэйсон, 2006). Следует согласиться с выводом авторов: от того, как общество поддерживает пожилых граждан, зависит степень реализации второго демографического дивиденда.

Существенным элементом в формировании как первого, так и второго демографического дивиденда является способность государства строить социальную политику с учетом демографических перемен, создавая возможности для дальнейшего социально-экономического развития с учетом справедливого перераспределения общественных благ (Барсуков, 2019).

Как было отмечено ранее, важнейшее среди условий, необходимых для использования преимуществ демографического дивиденда, — способность экономики создавать рабочие места как для все возрастающего числа населения в трудоспособном возрасте, так и для стареющего населения, что зависит от качества государственных институтов, макроэкономической политики, политики в области образования. При отсутствии правильной макроэкономической политики государства, направленной на реализацию демографического дивиденда, увеличение численности населения в трудоспособном возрасте может привести к росту безработицы, политической нестабильности, преступности и снижению социального капитала (Kazbekova, 2018).

Сегодня в мире проживает беспрецедентно много (1,8 млрд) молодых людей. В экономико-демографических исследованиях появился термин «молодежная выпуклость» или «молодежный пузырь» (Youth bulge), касающийся значительного увеличения численности населения в возрасте 15–29 лет. Одним из основных показателей успеха страны в сфере обращения «молодежной выпуклости» в демографический дивиденд является уровень молодежной занятости. К сожалению, во многих странах мира темпы увеличения безработицы среди молодежи примерно в два раза значительнее, чем среди всей рабочей силы в целом (Macunovich, 2012).

³ Там же.

⁴ Васин С. Демографическое старение и демографический дивиденд. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/tema01.php> (дата обращения 16.01.2022).

Именно поэтому фокус деятельности ЮНФПА в интересах молодых людей в странах Восточной Европы и Центральной Азии направлен на решение таких задач, как «продвижение прав молодых людей; профилактика инфекций, передающихся половым путем; привлечение молодых людей в процессы принятия решений; поддержка комплексного соответствующего возрасту сексуального образования; борьба с практиками, влекущими вред, такими как ранние браки и гендерное насилие...»⁵

Второй механизм для получения дивиденда — увеличение сбережений. По мере уменьшения иждивенческой нагрузки люди могут больше сберегать. Это увеличение нормы национальных сбережений повышает запас капитала и ведет к росту производительности по мере инвестирования накопленного капитала. По мнению исследователей, наибольший уровень сбережений наблюдается среди населения в возрасте от 40 до 65 лет, что связано с двумя факторами: у людей в этом возрасте, как правило, отсутствует необходимость совершения инвестиций в своих детей; люди начинают больше сберегать перед выходом на пенсию, чтобы сохранить равномерный уровень потребления на протяжении следующих десятилетий жизни (Bloom et al., 2003; Kazbekova, 2018).

Третий механизм — формирование человеческого капитала. Требуются вложения в человеческий капитал, здоровье, образование, профессиональные навыки. Снижение рождаемости приводит к более здоровому состоянию женщин и уменьшению их экономической нагрузки дома, росту участия женщин в экономике. Это также позволяет родителям вкладывать больше ресурсов в воспитание и образование ребенка, что приводит к лучшим результатам в отношении здоровья и образования.

Четвертый механизм роста — увеличение внутреннего спроса, вызванное ростом ВВП на душу населения и снижением коэффициента зависимости. Важным условием увеличения внутреннего спроса выступает повышение уровня жизни населения, политика борьбы с бедностью.

При формировании демографического дивиденда существенным является не только

численность возрастных групп, участвующих в рабочей силе, но и их качественные характеристики. Качество населения имеет особое значение при формировании второго демографического дивиденда (Римашевская, 2003). Использование дефиниции ресурсного потенциала старшего поколения может служить инструментом для выявления значимых характеристик старших возрастных групп. Ресурсный потенциал старшего поколения — комплекс социально и личностно значимых характеристик пожилых и старых людей. Методологически понятие ресурсного потенциала позволяет выделить «третий» и «четвертый» возрасты, учитывая уровень сохранности человеческого потенциала старших возрастных когорт. Основными структурными элементами ресурсного потенциала выступают здоровье, образовательный-квалификационный, мотивационный, социальный, материальный, институциональный (Доброхлеб, 2014).

Ситуация в сфере возрастной структуры, состояния и перспектив формирования демографических дивидендов характеризуется значительным разнообразием.

Демографический дивиденд в странах бывшего СССР

Страны бывшего СССР значительно отличаются по возрастной структуре населения и интенсивности демографических процессов. В рамках демографического перехода обычно выделяют 4 этапа или фазы, определяемых соотношением динамики процессов рождаемости и смертности⁶:

1 этап — высокая рождаемость и высокая смертность;

2 этап — сохранение высоких показателей рождаемости и снижение смертности, обусловленное улучшением медицины, санитарии и гигиены, качества жизни, распространением городского образа жизни;

3 этап — низкий уровень смертности и снижение рождаемости; происходит изменение моделей рождаемости, распространяется малодетный тип семьи;

4 этап — показатели рождаемости и смертности выравниваются, происходит дальнейшее сокращение естественного прироста.

⁵ UNFPA Annual Report, 2014. UNFPA — United Nations Population Fund. URL: <https://www.unfpa.org/fr/annual-report-2014> (дата обращения 17.01.2022).

⁶ Notestein F.W. (1945). Population: the long view // Food for the world / Ed. Th. W. Schults. Chi.

В контексте рассмотренных этапов демографического перехода исследователи выделяют несколько групп стран постсоветского пространства:

❖ III этап демографического перехода: Республика Таджикистан, Киргизская Республика, Туркменистан, Республика Узбекистан;

❖ IV этап – Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Грузия;

❖ завершение демографического перехода – Российская Федерация, Республика Беларусь, Украина, Республика Молдова (Безвербный, Бардакова, 2021).

Такая дифференциация отражается на формировании демографического дивиденда.

Некоторые демографические показатели позволяют оценить ситуацию с демографическим дивидендом в странах постсоветского пространства. Наиболее распространённым является коэффициент демографической поддержки – численность населения трудоспособного возраста (15–64 или 25–64 года) на одного пожилого человека (в возрасте 65 лет и старше). По мере старения населения коэффициент демографической поддержки снижается. Это означает, что потенциальных работников для поддержки пожилых людей становится все меньше. Для анализа изменений в возрастной структуре населения обращаются к коэффициентам нагрузки (иждивенцев), как общим, так и рассчитанным отдельно по отношению к группам лиц нетрудоспособных возрастов до 15 лет или старше 65 лет.

По расчетам авторов, разрыв в величине коэффициента нагрузки в совокупности стран бывшего СССР составляет от 1,4% для Украины (превышение нагрузки пожилыми людьми над нагрузкой молодежью) до 57,3% (превышение коэффициента нагрузки молодежью над нагрузкой пожилыми людьми) для Таджикистана. Значительная величина коэффициента нагрузки наблюдается в странах, где значительна численность молодого населения (Таджикистан, Киргизия, Казахстан, Туркменистан), и в странах со значительным уровнем старения (Латвия, Литва, Эстония). Различается структура коэффициента нагрузки: в первом случае речь идет о перспективе роста абсолютной и относительной численности рабочей силы, во втором – росте нагрузки пожилыми людьми, увеличении продолжительности жизни в целом

и трудовой жизни в частности (при создании благоприятных условий).

Государства Прибалтики, а также Россия, Беларусь, Украина, Армения, Грузия в значительной степени исчерпали возможности получения первого демографического дивиденда. С 1997 по 2011 год демографический дивиденд за счет увеличения населения трудоспособного возраста обеспечивал Российской Федерации около трети роста ВВП на душу населения из среднегодовых 4,9%⁷. Демографическое старение населения Грузинской ССР было отмечено еще в 1959 году. Население в возрастной группе 25–34 года за период между двумя последними переписями (2002–2014 гг.) в Грузии сократилось на 31% – более чем в два раза по сравнению с остальными группами населения. Игрет роль и естественная, и миграционная убыль населения (Сулаберидзе, Арчвадзе, 2018). Снижение коэффициента демографической поддержки здесь началось не позднее 1990-х гг. (а в ряде государств и ранее, например, в Украине, России с 1970-х годов). Это происходило за счет постепенного снижения численности лиц трудоспособных возрастов на фоне развития процесса старения населения. Однако сложившаяся благоприятная ситуация – значительная доля населения трудоспособного возраста – длилась довольно долго, с 1970-х до 2020-х гг. Причем в последние годы доля населения трудоспособных возрастов, в том числе наиболее высокопроизводительных (25–64 года), была наиболее значительной. Для этого же периода характерно снижение коэффициентов нагрузки за счет снижения нагрузки молодежью (в возрастах и до 15, и до 25 лет). После 2020 года в большинстве перечисленных государств наблюдается рост нагрузки пожилыми людьми (табл. 3), коэффициент нагрузки пожилыми людьми (65 лет и старше) уже сейчас составляет весьма значительную величину, от 17,2% в Молдавии до 32,9% в Латвии. К 2050 году доля лиц старше 65 лет в общей численности населения государств будет составлять от 1/5 до 1/3. В среднесрочной перспективе (около 2030 года) в них будет увеличиваться доля населения в возрасте до 15 лет – затухающая демографическая

⁷ Всемирный Банк. (2015). В поисках нового «серебряного века» в России: факторы и последствия старения населения: обзорный доклад. 49 с.

Таблица 3. Коэффициенты нагрузки и демографической поддержки (оценка на 2020 г., страны в таблице расположены в порядке убывания коэффициента демографической поддержки)

Страна	Коэффициент нагрузки, %	Коэффициент нагрузки молодежью, %	Коэффициент нагрузки пожилыми людьми, %	Коэффициент демографической поддержки
Таджикистан	67,9	62,6	5,3	18,7
Туркменистан	53,6	47,8	5,8	17,1
Узбекистан	50,6	43,4	7,2	13,9
Киргизия	59,7	52,1	7,5	13,2
Азербайджан	43,4	33,7	9,7	10,3
Казахстан	58,8	46,3	12,6	8,0
Армения	48,4	30,9	17,5	5,7
Молдавия	39,6	22,2	17,4	5,7
Беларусь	48,9	25,7	23,2	4,3
Россия	51,2	27,8	23,5	4,3
Грузия	55,0	31,3	23,6	4,2
Украина	49,1	23,8	25,3	4,0
Литва	50,2	21,5	28,7	3,5
Эстония	58,4	26,1	32,3	3,1
Латвия	59,0	26,1	32,9	3,0

Составлено по: Department of Economic and Social Affairs Population Dynamics UN. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения 15.01.2022).

волна, следствие некоторого роста рождаемости, в частности в период начала 80-х гг. XX века (под воздействием мер демографической политики). Но в целом у данной группы стран увеличение коэффициента нагрузки будет происходить за счет роста доли пожилых лиц, что актуализирует формирование инструментов и механизмов для получения второго демографического дивиденда. Особенно значимо эта проблема стоит для прибалтийских государств, где коэффициенты нагрузки пожилыми людьми уже сейчас превосходят коэффициенты нагрузки молодежью. Для рассмотренной группы стран в настоящее время характерны наиболее низкие значения коэффициента демографической поддержки (не более 5,7).

Тесно примыкает к рассмотренной выше довольно представительной группе стран Молдавия, где увеличение численности населения в возрасте 25–64 лет продлится до 2030 года. Первое демографическое окно пока открыто и для Азербайджана.

Европейские страны бывшего СССР характеризуются более высоким уровнем старения населения. Россия, Молдавия, Беларусь, Украина, Литва, Латвия и Эстония практически исчерпали возможности первого демографического дивиденда.

Казахстан и Киргизия обладают довольно молодой возрастной структурой, на которой сказывается уровень рождаемости. «Окно возможностей» для получения демографического дивиденда Киргизской Республики открылось в 1980-х гг. благодаря некоторому снижению показателей рождаемости, смертности и суммарного коэффициента рождаемости (Джолдошева, 2018). В будущем это приведет к формированию значительной доли населения трудоспособного возраста и после 2030 года, снижению нагрузки молодыми людьми. Однако и доля лиц пожилых возрастов увеличится к 2050 году лишь до 10,1% в Киргизии и 14,2% в Казахстане.

В Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане пока очень молодое население, доля пожилых весьма незначительна, коэффициент нагрузки в основном формируется за счет молодого населения нетрудоспособных возрастов. В Таджикистане коэффициент нагрузки молодыми людьми начал снижаться лишь в 2005 году наряду с увеличением доли населения в возрасте 25–64 лет. Эти процессы продолжатся и в 2050 году. В Туркменистане и Узбекистане демографическое окно стало открываться на десятилетие раньше. Странам стоит обратить внимание на опыт государств, сумевших вос-

пользоваться первым демографическим дивидендом, создав условия для формирования человеческого капитала, участия в рабочей силе и повышения производительности труда молодых людей.

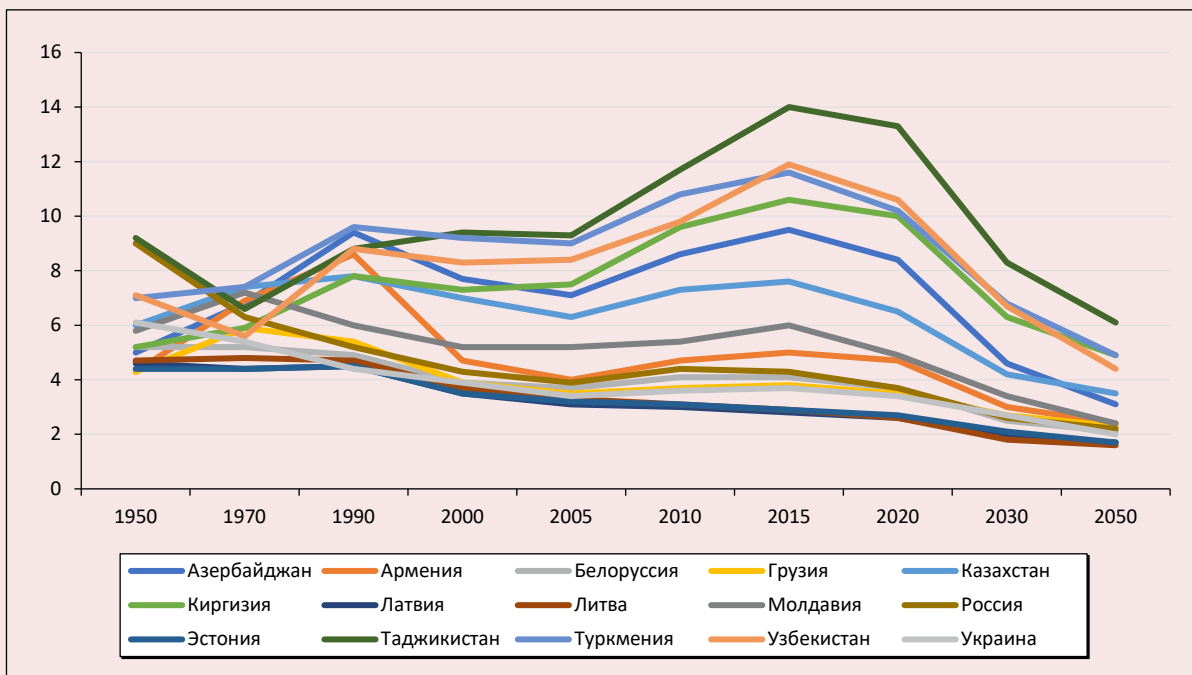
Величина коэффициента демографической нагрузки в государствах постсоветского пространства сближается после значительного подъема показателя в 2005–2020 гг. в Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Киргизии, Азербайджане, что обусловлено значительным, но достаточно кратковременным превышением численности населения трудоспособных возрастов над численностью нетрудоспособных. По прогнозам ООН, после подъема коэффициента демографической поддержки наступает его долговременное падение (рис. 2). Значительное снижение показателя в большинстве стран к 2030 году свидетельствует о «закрытии первого демографического окна».

Выводы

Для стран постсоветского пространства характерна значительная дифференциация в сфере формирования и использования демографи-

ческих дивидендов, что обусловлено спецификой демографической ситуации, культурологическими, социальными и экономическими детерминантами. Анализ данных о доле населения в возрасте 25–64 лет в численности населения стран позволяет сделать вывод о том, что в настоящий момент достигнут пик доли населения трудоспособных возрастов в численности всего населения для России, Молдовы, Беларуси, Украины, Армении, Азербайджана, Литвы, Латвии, Эстонии. В перспективе, после 2030 года, предстоит сокращение абсолютной и относительной его численности. В странах, где в ближайшее время будет доминировать население трудоспособного возраста (Киргизия, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан), необходимо внедрять институты, мотивирующие людей делать накопления и инвестировать в развитие человеческого потенциала, способствовать использованию демографического дивиденда в экономике. Узбекистан находится на стадии раннего демографического дивиденда, это предоставляет ему уникальную возможность для достижения значительного и продол-

Рис. 2. Динамика коэффициента демографической поддержки в республиках СССР и странах бывшего СССР в 1950–2050 гг. (соотношение численности населения в возрасте 25–64 лет и 65 лет и старше)

Составлено по: (Сулаберидзе, Арчвадзе, 2018; Джолдошева, 2018; Безвербный, Бардакова, 2021; Fang, 2020).

жительного экономического роста, способного повлиять на благосостояние населения, при условии, что будут сделаны необходимые инвестиции в человеческий капитал, произойдет формирование гибкой экономической модели, внедрение инновационных технологий и расширение возможностей участия молодежи и женщин в социально-экономическом развитии страны. Судя по прогнозам возрастной структуры населения Узбекистана, сделанной ООН, пик численности трудоспособного населения наступит в нем примерно к 2048 году. Важно использовать этот период.

Основной вызов стран бывшего СССР обусловлен необходимостью социально-экономического развития в условиях старения населения. Задача состоит в использовании положительных факторов стареющих обществ (Fang, 2020). Именно с этим направлением связаны возможности решения проблем демографической безопасности. Учет особенностей возрастной структуры населения позволит эффективнее решать возникающие экономические проблемы. Однако это предполагает формирование политики, направленной на сохранение, поддержку и развитие ресурсного потенциала старшего поколения. Безотлагательность проведения соответствующей политики усугубляется тем фактом, что за «демографическим дивидендом» следует время, когда коэффициент нагрузки снова начинает увеличиваться.

В связи с этим актуальным является мнение Ф. Ноутстейна: «Проблема старения – вовсе не проблема, а лишь пессимистический взгляд на величайший триумф человечества» (Notestein, 1954). Но, чтобы этот триумф стал реальностью, необходимы решительные меры, направленные на улучшение условий жизни старших возрастных когорт в странах бывшего постсоветского пространства. Без реальных инвестиций в развитие потенциала стареющего населения не обойтись.

Расширение возможностей старших возрастных когорт связано, с одной стороны, с сохранением их ресурсного потенциала (здоровья, квалификации, мотивации на участие на рынке труда и в иной общественно полезной деятельности), с другой, с реформированием структуры рабочих мест, в том числе для высококвалифицированных специалистов старших

возрастов. Кроме того, второй демографический дивиденд реализуется в случае, если демографические изменения ведут к увеличению производительности работников. Это важно учитывать при формировании образовательной политики и политики на рынке труда.

Демография не определяет судьбу экономического роста, но она, безусловно, является ключевым фактором, определяющим потенциал роста экономики. Старение населения в сочетании со снижением рождаемости указывает на весьма вероятное снижение будущего экономического роста.

Повышение производительности может уменьшить влияние демографических сдвигов, а технологические достижения являются идеальным источником повышения производительности. Однако важно обратить внимание на следующее: технологический прогресс повышает производительность, но в то же время может полностью ликвидировать рабочие места, увеличивая безработицу.

Именно работники, обладающие компьютерными и технологическими навыками, будут преуспевать в экономике будущего. По мере того как возрастной состав рабочей силы будет меняться в будущем, будет меняться и структура рабочих мест, которые востребованы экономикой. Это важно учитывать странам, которые в настоящее время или в ближайшем будущем могут воспользоваться преимуществами первого демографического дивиденда. Отсутствие высокопроизводительных рабочих мест приведет к миграционному оттоку населения трудоспособного возраста, что также отрицательным образом скажется на социально-экономической и демографической ситуации в будущем.

Производительность труда в более старшем возрасте зависит от состояния здравоохранения и политики в отношении нетрудоспособности, налоговых стимулов и препятствий, в особенности от структуры пенсионных программ и мер в области пенсионного обеспечения. Странам, которые находятся на пороге возможного первого демографического дивиденда (Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан), или тем странам, где окно демографических возможностей пока не закрылось (Киргизия, Азербайджан, Армения), необходимо обратить внимание на создание условий для его реализации,

уделяя внимание образованию и структуре занятости молодежи. Стоит использовать опыт государств Восточной Азии, которые придают большое значение расходам на образование детей. Плохое образование в период сокращения рождаемости приведет к тому, что доходы населения начнут сокращаться, поскольку в обществе будет работать меньше людей и их труд станет малоэффективным.

Для стареющих обществ актуальной проблемой выступает формирование механизмов, обеспечивающих инвестиционную активность лиц старших трудоспособных возрастов и старшего поколения в целом. Кроме того, социальная политика в интересах лиц старших возрастов требует серьезных финансовых, кадровых, организационных затрат. Ряд стран, в частности Соединенные Штаты Америки, отводят значительную долю ресурсов на здравоохранение для пожилых.

В странах мира реализуется стратегия в интересах пожилых людей – Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года, принятый второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения. Он включает действия по созданию условий для участия пожилых людей в развитии, обеспечению здравоохранения и благосостояния в пожилом возрасте, созданию благоприятных условий для жизни.

Степень реализуемости второго дивиденда зависит от того, каким образом общество поддерживает своих граждан в старости. В развивающихся странах пожилые поддерживаются их семьями и государственным сектором, но, помимо этого, зависят от средств, накопленных ими за годы работы, к числу которых относят-

ся жилье, пенсионные резервы и личные сбережения. По мере старения населения бремя поддержки, возложенное на семьи и государство, возрастает по отношению к ВВП, что вызывает серьезную озабоченность во многих странах. Однако благодаря второму дивиденду большее число работающих среднего возраста может существенно увеличить объем капитала по отношению к ВВП, если проводимая политика стимулирует формирование работающими сбережений на период после выхода на пенсию, в стране функционируют соответствующие институты.

В той мере, в которой страны в состоянии решать проблемы, связанные со старением населения, путем расширения программ трансфертов – семейных, не обеспеченных резервами, или государственных, – рост активов сокращается, а второй дивиденд уменьшается. Напротив, если работники имеют стимулы к сбережению и созданию пенсионных фондов, старение населения может приводить к увеличению объема капитала в расчете на одного работника и доходов на душу населения. Таким образом, при разработке социально-экономической политики необходимо заострить внимание на создании надежных финансовых систем, вызывающих доверие и доступных миллионам людей, которые хотят обеспечить свое финансовое будущее. Это необходимо делать уже сейчас, с тем чтобы по мере старения населения можно было реализовать его потенциал, способствующий экономическому росту. Создание условий по наращиванию второго демографического дивиденда может способствовать как более эффективному социально-экономическому развитию стран, так и их безопасности.

Литература

- Барсуков В.Н. (2019). От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 4. С. 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11
- Безвербный В.А., Бардакова Л.И. (2021). Демографический переход в странах СНГ: тенденции и предварительные итоги // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 3. С. 11–22. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.2
- Джолдошева Д.С. (2018). Миграционные процессы и демографический дивиденд Киргизской Республики // Инновации и инвестиции. № 10. С. 87–91.
- Доброхлеб В.Г. (2014). Старение населения. Ресурсный потенциал старшего поколения // Старшее поколение и будущее / под науч. ред. чл.-корр. РАН Н.М. Римашевской. М.: Экономическое образование. С. 23.

- Ли Р., Мэйсон Э. (2006). Что такое демографический дивиденд? // *Финансы и развитие*. URL: https://ntaccounts.org/doc/repository/LM2006_Russian.pdf
- Римашевская Н.М. (2003). *Человек и реформы: секреты выживания*. М.: РИЦ ИСЭПН РАН. 392 с.
- Сидоренко А.В., Михайлова О.Н. (2013). Осуществление Мадридского международного действия по проблемам старения в странах СНГ: первые 10 лет // *Успехи геронтологии*. Т. 26. № 4. С. 585–593.
- Сулаберидзе А.В., Арчвадзе И.С. (2018). Особенности демографического старения в Грузии // *Демографическое развитие постсоветского пространства: сб. статей и аналитических мат-лов / под ред. М.Б. Денисенко, Р.В. Дмитриева, В.В. Елизарова*. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. С. 259–261.
- Abio G., Patxot C., Sánchez-Romero M., Souto G. The welfare state and demographic dividends. *Demographic Research*, 36(48), 1453–1490. DOI: 10.4054/DemRes.2017.36.48
- Alper F., Alrep A., Ucan O. (2016). The economic impacts of aging societies. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 3, 1225–1235.
- Baerlocher D., Parente S.L., Rios-Neto E. (2019). Economic effects of demographic dividend in Brazilian regions. *The Journal of the Economics of Ageing*. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jjeoa>
- Bairoliya N., Miller R. (2001). Demographic transition, human capital and economic growth in China. *Journal of Economic Dynamics & Control*, 127, 104–117.
- Bloom D.E., Canning D. (2001). *Cumulative Causality, Economic Growth and the Demographic Transition*. Oxford.
- Bloom D.E., Canning D. (2004). Global demographic change: Dimensions and economic significance. *National Bureau of Economic Research*, 10817. Available at: <https://www.kansascityfed.org/publicat/sympos/2004/pdf/BloomCanning2004.pdf>
- Bloom D.E., Canning D., Evans D.K., Graham B.S., Lynch P., Murphy E.E. (1999). Population change and human development in Latin America. *Background paper for IPES 2000*. Harvard Institute for International Development.
- Bloom D.E., Canning D., Mansfield R., Moore M. (2006). *Demographic Change, Social Security Systems, and Savings*. National Bureau of Economic Research.
- Bloom D., Canning D., Sevilla J. (2003). The demographic dividend: A new perspective on the economic consequences of population change. *The Rand Corporation*. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR1274.pdf
- Cardona C., Rusatira J.C., Cheng X., Silberg C., Salas I., Li Q., Bishai D., Jose G. Rimon J.G. (2020). Generating and capitalizing on the demographic dividend potential in sub-Saharan Africa: a conceptual framework from a systematic literature review. *Gates Open Research*, 4:145.
- Chand M. (2017). Aging in South Asia: Challenges and opportunities. *South Asian Journal of Business Studies*. DOI: 10.1108/SAJBS-09-2017-0103
- Cruz M., Ahmed S.A. (2018). On the impact of demographic change on economic growth and poverty. *World Development*, 105, 95–106. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.12.018>
- Fang C. (2020). The second demographic dividend as a driver of China's growth. *China & World Economy*, 28(5), 26–44.
- Gribble J. (2012). South Korea's demographic dividend. *Population Reference Bureau*, 6.
- Kashif M.K., Shahid F.S.U. (2019). Role of demographic factors in economic growth of South Asian countries. *Journal of Economic Studies*. DOI: 10.1108/JES-08-2019-0373
- Kazbekova Z. (2018). Impact of the demographic dividend on economic growth. *Population and Economics*, 2(4), 85–135. Available at: <https://doi.org/10.3897/popecon.2.e36061> has been added to the reference list.
- Macunovich D.J. (2012). The role of demographics in precipitating economic downturns. *Journal of Population Economics*, 25(3), 783–807. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00148-010-0329-5>
- Misra R. (2017). Impact of demographic dividend on economic growth: A study of BRICS and the EU. *International Studies*, 52(1–4), 99–117. DOI: 10.1177/0020881717714685
- Mirzakarimova M.M., Khajiyev B. (2020). Opportunities of getting demographic dividends in Uzbekistan. *International Journal of Advanced Science and Technology*, 29(8), 223–235.
- Notestein F. (1954). Some demographic aspects of aging. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 98, 1, 38–45.

Wang F., Mason A. (2005). Demographic dividend and prospects for economic development in China. *UN Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changing Population Age Structures*, Mexico City.

Ziesemer T., Gässler A. (2021). Ageing, human capital and demographic dividends with endogenous growth, labor supply and foreign capital. *Portuguese Economic Journal*, 20, 129–160. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10258-020-00176-2>

Сведения об авторах

Валентина Григорьевна Доброхлеб – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32); Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: vdobrokhleb@mail.ru)

Оксана Викторовна Кучмаева – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru)

Алексей Дмитриевич Брагин – младший научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: alexbragin562@gmail.com)

Мехди Афзали – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: mehdi afzali1991@gmail.com)

Dobrokhleb V.G., Kuchmaeva O.V., Bragin A.D., Afzali M.

Demographic Dividends: Formation and Use in the CIS and the Baltic Countries

Abstract. The article investigates one of the most pressing problems of the modern world – demographic aging and its impact on demographic security in the CIS. Changes in the age structure are happening on a global scale, and show increasing dynamics. At the same time, demographic aging has significant regional differences. The purpose of the study is to identify general trends, regional differences in population aging in the post-Soviet countries, the formation and use of demographic dividends. When analyzing the second demographic dividend, we propose to apply the term “resource potential of the older generation” that largely determines the capabilities of the aging population. We use the following methods: logical analysis, synthesis, generalization, induction and deduction, a systems approach to the analysis of demographic phenomena, calculations of demographic coefficients used in assessing the age structure, its dynamics and the formation of demographic dividends. The information base of the study includes data of the current accounting of demographic events presented by the Statistical Committee of the CIS, materials of Eurostat, the UN, domestic and foreign scientific publications, as well as materials of own research on the topic of the article. The main results of the work confirm the conclusion that the post-Soviet countries have significant differences in the age structure of their population and the intensity of demographic aging. We determine that the acceleration of the aging process was a general trend in most of them. This brings to the fore the problems associated with the need to form and effectively use the second demographic dividend, which will promote economic welfare of the countries.

Key words: demographic aging, first demographic dividend, second demographic dividend, post-Soviet countries.

Information about the Authors

Valentina G. Dobrokhleb – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation); Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: vdobrokhleb@mail.ru)

Oksana V. Kuchmaeva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru)

Aleksei D. Bragin – Junior Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: alexbragin562@gmail.com)

Mehdi Afzali – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: mehdiafzali1991@gmail.com)

Статья поступила 20.04.2022.